

ОТЗЫВ

официального оппонента Д.В. Давыдова

на диссертационное исследование Гулиной Анастасии Евгеньевны

«Римско-католическая церковь и протестантские конфессии в

Самарском крае (1917-1930-е гг.)», представленное на соискание ученой

степени кандидата исторических наук по специальности

5.6.1 – Отечественная история.

Взаимодействие властных и религиозных институтов в советском государстве 1920-х – 1930-х годов уже стало признанным научным направлением. В последние годы оно продолжает расширять свое предметное поле, включая в него не только традиционные религиозные течения, но и малые, еще не до конца изученные конфессиональные сообщества. Особую актуальность сохраняет обращение к таким из них, как Римско-католическая церковь, а также протестантские конфессиональные объединения. Достаточно организованные, а порой и замкнутые группы, отличавшиеся высокой степенью централизации и сплочённости, на протяжении длительного времени они по праву выступали полноценными субъектами религиозной жизни российского государства.

Первые десятилетия советской власти кардинально изменили традиционный порядок взаимовлияния власти и церкви. Именно этот период характеризовался наибольшим драматизмом в отношении государства к религии, когда масштабный социальный эксперимент по насаждению атеизма затронул судьбы миллионов верующих. В то же время его реализация в значительной мере определилась как региональной спецификой, так и особенностями взаимодействия власти с различными конфессиональными группами. Как следствие, несмотря на их в общем схожую судьбу в условиях массированного внешнего давления, практика проведения антирелигиозных мероприятий в различных регионах страны показала свой поливариантный характер. Особый интерес приобретает

Входящий № 206-4000
Дата 16 МАЙ 2025
Самарский университет

обращение к Средневолжскому региону. На протяжении столетий здесь формировалась особая этноконфессиональная среда, совершенствовались способы взаимодействия представителей разных конфессий. Все это обусловило особый характер протекания процессов как реализации антирелигиозной политики, так и противодействия ей.

В этой связи диссертационное сочинение Анастасии Евгеньевны Гулиной *«Римско-католическая церковь и протестантские конфессии в Самарском крае (1917-1930-е гг.)»* приобретает особую актуальность. Вводя в исследовательское поле католические, лютеранские и меннонитские общины, конкретные способы и формы сохранения их религиозной идентичности на территории Самарского края, автор поставила перед собой достаточно амбициозную цель – проведение анализа социальных и религиозных форм их существования в драматический период 1917-1930-х гг. Для достижения поставленной цели автору удалось определить комплекс актуальных задач, нашедших свое отражение в достаточно грамотно выстроенной структуре исследования.

В *первой главе* диссертант обращается к проблеме существования институтов Римско-католической церкви в условиях радикальных социальных трансформаций 1917-1930-х годов. Для всестороннего анализа поставленной проблемы материал главы распределен на два параграфа. В *первом параграфе* «Эволюция общественно-политических условий существования католицизма и протестантизма в Советской России» автор проводит исторический обзор развития их институтов в Российском государстве. Достаточно обширный временной период – со второй половины XIX века до конца 1930-х годов позволил сравнить условия существования структур обеих церквей в до- и послереволюционной России. Заслуживает внимание обращение к материалам «Основных государственных законов» 1906 г. (С. 42-44), а также к некоторым программным документам партии большевиков (С. 46). Это свидетельствует об интересе к религиозным вопросам как со стороны правительственных, так и революционных кругов, хотя его направленность оказывалась прямо

противоположной. Заслуживает внимание выделение двух этапов антирелигиозной политики советского государства: с 1917 по 1929 г. и с 1929 по конец 1930-х годов. Нельзя не согласиться с уже устоявшимся положением о том, что первый этап характеризовался формированием общих основ антирелигиозной политики, определял ее формы и направления, но в то же время, сохранял определенную свободу действий для религиозных объединений. Второй этап был связан уже с попыткой окончательного насаждения атеизма путем массового закрытия культовых зданий и репрессий в отношении верующих и духовенства. Автор упоминает о Постановлении ЦК ВКП(б) от 24 октября 1929 года, открывшем «новый этап государственной антирелигиозной политики» и направленном на «широкое применение репрессивных мер» (С. 65). Искажение статистических данных стало одной из форм борьбы с религиозным сознанием. В этой связи интересно обращение к документу, по которому численность верующего населения в СССР в 1937 г. составила всего 1% (С. 77). Вполне убедительно звучит вывод о сохранении населением латентной религиозности, что подтвердилось результатами демографической переписи 1937 г. (С. 78).

Второй параграф автор посвятила исследованию проблемы существования Римско-католической церкви в Самарском крае в условиях революционных преобразований. С этой целью автором рассмотрены исторические предпосылки и процесс формирования католических общин. Установлено, что события революции 1917 г. коренным образом изменили условия их существования. Отмеченные выше хронологические рамки антирелигиозной политики в полной степени проявили свое действие в отношении к католическим общинам: если до 1929 года им еще предоставлялась определенная свобода действий, то с началом проведения коллективизации давление ужесточилось, и католическая вера переместилась в сферу частной жизни. Вызывает интерес представленный в параграфе механизм закрытия культовых зданий (С. 100-101), который применялся и в последующие годы в других районах страны.

Примечательно, что излагая общий материал, автор обращается и к судьбам отдельных священнослужителей, пострадавших во время проведения антирелигиозной политики. Вполне закономерен вывод о сохранении религиозности населения, несмотря на ликвидацию ко второй половине 1930-х годов католических общин (С. 117).

Во *второй главе* автор исследует проблему развития Евангелическо-лютеранской церкви и меннонитских общин в Самарском крае в 1917-1930-е гг. В *первом параграфе* «Формирование лютеранских и меннонитских общин в Самарской крае» дана характеристика исторических предпосылок их возникновения, раскрываются некоторые особенности этого процесса. Автор использовала достаточно интересный, выразительный материал личного происхождения. Приведенные выдержки из воспоминаний В. Маттиса и Анны Янцен о появлении на Самарской земле первых переселенцев (С. 130-133) отличает яркий, образный характер. Данный материал дополнен сведениями Первой переписи населения 1897 г., отразившей территориальное расположение конфессиональных групп верующих по отдельным уездам Самарского края (Таблица 5, С. 134-135). В ходе изложения материала автор приходит к закономерному выводу, что процесс массового расселения протестантов в России, в том числе и в Самарской губернии, начался с середины XVIII века, и завершился к концу XIX века, при этом «лютеранские и меннонитские общины, преимущественно немецкие по своему происхождению, играли заметную роль в жизни Самарского края» (С. 136).

Во *втором параграфе* автор обращается к судьбе Евангелическо-лютеранской церкви в Самарском крае в 1917-1937 гг. С этой целью ею использованы различные документы, такие как законодательные акты советской власти, списки прихожан, их заявления в органы власти, описи имущества общин и прочие. Не вызывает сомнений утверждение об особенно сложном положении лютеранской церкви в начале 1920-х годов, связанное как с влиянием политики государства, так и с внутренним расколом управленческих структур, а также влиянием прочих

неблагоприятных факторов (С. 139). Интересно и то, что автор сравнивает положение лютеранской и православной церкви, внутренний раскол в которых в какой-то степени сблизил их положения (С. 140). Не ускользнули от внимания и конкретные формы борьбы прихожан за свои религиозные права (С. 141-146). Интересно обращение к судьбам некоторых лютеранских пасторов г. Самары, их список приведен в таблице 6 (С. 152-153). На основании изученных документов сделан вывод о том, что Самарская городская лютеранская община официально перестала существовать лишь после закрытия кирхи в 1930 г., а лютеранские общины в сельских районах Самарского края продолжали функционировать вплоть до 1937 г. (С. 174). В этой связи вполне закономерен вывод, что евангелическо-лютеранские общины «сохраняли религиозные практики и боролись за свое право на религиозную идентичность» (С. 174).

Третий параграф автор посвятила освещению положения меннонитских общин в Самарском крае в 1917-1930-е гг. Эти достаточно закрытые этноконфессиональные группы длительно сохраняли внутреннюю замкнутость, а потому их судьба вызывает особый интерес. Обращено внимание на то, что «сплоченность, дисциплинированность и глубокая религиозность сделали возможным сохранение религиозно-духовной идентичности меннонитов» (С. 205). Продолжая использовать материалы личного происхождения, автору удалось представить довольно яркую картину жизни этих групп в указанные годы. Обращаясь к проблеме взаимодействия меннонитских групп с органами власти, удалось отметить особый характер отношения государства к этим общинам, учитывающий «влияние меннонитского учения» и не допускающий грубых форм работы (С. 199). С другой стороны, удалось раскрыть конкретные механизмы воздействия власти на эти группы, показать процесс разрушения основ жизни меннонитов в хозяйственно-экономической, духовно-религиозной и культурной сферах. Заслуживает внимания ценный вывод о том, что «до конца 1930-х гг. меннониты представляли собой достаточно многочисленное сообщество, которое могло воспроизводиться и вести

эффективную хозяйственную деятельность, став специфической частью советской колхозно-кооперативной системы» (С. 204).

Выводы работы соответствуют ее основным положениям. Достоинством исследования является использование богатого иллюстративного материала. Фотографии, атеистические плакаты, выдержки из документов, помещенные в приложение, существенно дополняют положения и выводы исследования, создают комплексную картину происходивших событий.

Раскрытию темы способствует удачное соотнесение ряда общенаучных и специально-исторических методов и подходов, что позволило раскрыть специфику взаимоотношений государственных и церковных институтов, представить механизмы социальной адаптации различных конфессиональных групп к условиям тотального наступления на религию.

В то же время необходимо обратить внимание на ряд некоторых замечаний:

1. Обращают на себя внимание обоснованные хронологические рамки работы, определенные периодом 1917-1937 гг.. Между тем в названии исследования верхняя граница отражена менее определенно - 1930-е годы, в тексте есть упоминание ее второй половины (С. 2), и даже конца десятилетия (С. 36). Может быть, имеет смысл обозначить верхней границей факт ликвидации *Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК – ЦИК СССР*? Ее упразднение, оформленное специальным постановлением Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 года, означало завершение политики активного наступления на церковь. Характерно и заметное снижение к этому времени активности ячеек Союза воинствующих безбожников.
2. Перечень использованных в работе источников и литературы достаточно широк. Между тем, его можно расширить архивными материалами, отразившими состояние работы низовых

комсомольских, партийных ячеек, местных отделений СВБ. Хотелось бы видеть в списке источников четырехтомный сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939: Документы и материалы», содержащий ценную информацию о конкретных формах борьбы сельского населения за свои права, в том числе и религиозные. Необходимо обратить внимание и на наличие регулярных отчетов Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, содержащих ценные сведения о проявлениях разных форм религиозной активности. Целесообразно было бы расширить и список периодических изданий таким журналом, как «Безбожник у станка», отразившим как общий антирелигиозный курс в отношении советского государства к западным церквям, так и его отдельные аспекты.

3. Инструментом активного воздействия на религиозные общины стало создание отмеченного выше Союза воинствующих безбожников, на что обращено внимание автором (С. 202). Между тем, это внимание проявляется весьма эпизодично, хотелось бы видеть более четкую сюжетную линию работы ячеек СВБ и его отдельных активистов, тем более что в Самарской области их деятельность была заметной.
4. В работе приводится утверждение о том, что верующие, в частности, католики, стремились «не только подчиниться новым правилам и нормам», но и «приспособиться к новым условиям, сохранив свою религиозную идентичность» (С. 208). Одним из проявлений этой идентичности оставалось устное общение верующих, формировавшее их собственное информационное пространство. Распространяемые сведения и слухи влияли на поведение членов общин, усиливая их сопротивление антирелигиозной политике. Особенно заметно эта форма активности прослеживалась в сельской среде в связи с началом проведения политики коллективизации. В определенной мере устное общение

способствовало более длительному сохранению внутренней идентичности религиозных общин в сельской местности по сравнению с городскими. К сожалению, в представленном исследовании данный аспект не прослеживается.

5. Делая вывод о сохранении религиозности населения, автор апеллирует к результатам демографической переписи 1937 г., заявляя, что «несколько тысяч человек имели смелость открыто признавать себя католиками» (С. 117). Хотелось бы по возможности конкретизировать представленное количество верующих.
6. Отношение к религии складывалось разное. Наравне с верующим населением выросло поколение атеистов, представляющих, в основном, молодежь. Хотелось бы увидеть в работе большее внимание к деталям реализации антирелигиозной работы в молодежной среде. В частности, такого внимания заслуживает освещение антирелигиозных спектаклей и карнавалов. Именно массовая, зрелищная форма антирелигиозной работы вызывала повышенный интерес зрительской аудитории и не оставалась без внимания со стороны самих верующих.
7. Обращают на себя внимание некоторые стилистические неточности. Содержащееся на с. 76 положение о том, что «жестокость советского государства была, в определенной степени, оправдана в последующем», требует, на мой взгляд, некоторой корректировки. То же самое относится и к фразе: «ликвидация антисоветски настроенной части духовенства привела к тому, что в годы Великой Отечественной войны церковь не стала «пятой колонной», а заняла безусловно патриотическую позицию». На мой взгляд, жесткая борьба со священнослужителями, особенно в 1930-е годы, не способствовала росту лояльности населения к советской власти, а само выражение «антисоветски настроенное духовенство», как часть риторики воинствующих безбожников, в данном контексте звучит несколько странно. Таким же образом довольно пропагандистски

Положения о присуждении ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 11.09.2021 г.), а ее автор – Гулина Анастасия Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Официальный оппонент, доктор исторических наук,
профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Давыдов Денис Владимирович

12 мая 2025 года

Моб. тел. +7 917 865 1754

E-mail: davdv@mail.ru

Подпись _____
заверяю. Начальник управления
делопроизводства и контроля

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»

Адрес: 420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К. Маркса, 10

Тел. +7 (843) 231-01-09

E-mail: kai@kai.ru

Сайт: kai.ru